

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**• ВРАГИ •
НАРОДА**

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Враги народа / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113878-3

1939 год. В столице действует антисоветская организация «Святая Держава», которая совершает теракты, сеет панику, наносит ущерб оборонной промышленности. Начальник спецотдела НКВД Ермолай Ремизов получает задание ликвидировать преступную группировку. Опытный оперативник решает дискредитировать главаря и лично возглавить организацию, чтобы после уничтожить ее. Чекистам удается внедриться в руководство «Святой Державы». Но иностранные кураторы, почуяв неладное, приказывают устранить Ремизова. Видя нависшую над ним смертельную угрозу, Ермолай принимает решение ускорить расправу с бандой. Для этого он предлагает «своим» боевикам план покушения на товарища Сталина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рясной И.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113878-3

Часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЧИСТИЛИЩА

Глава 1

Похоже, многоходовая оперативная комбинация накрылась. Да еще окружающая обстановка как нельзя лучше подходила для полноты ощущений позорного провала — низкое серое ленинградское небо, и мерзкое ноябрьское снежное крошево под ногами.

Алексей Протопопов терпеть не мог холодный, помпезный и неуютный Ленинград. И всей душой ненавидел, когда рушатся его с академической дошностью, до мелочей расписанные планы. Ведь за этими обломками открывается неизвестность, готовая поглотить тебя.

Вчерашняя встреча, на которую должен был прийти долгожданный вестник, не состоялась. Пришлось больше часа прождать у Медного Всадника, маяча с журналом «Огонек» и повторяя про себя дурацкие, как обычно принято, слова пароля и отзыва, типа «как пройти к Мариинскому театру и какая опера там сегодня идет».

Кураторы с Лубянки возлагали на эту встречу большие надежды. Хотели посмотреть на большую шишку из Парижей-Лондонов, держащую в своих

руках нити антисоветского подполья. Этому фигуранту, с учетом его миссии на территории России, присвоили псевдоним Ревизор. Сколько же сил и ресурсов ушло на подготовку этого свидания. И все впустую.

Первая встреча с объектом агентурной разработки — это как первый поцелуй. От результата зависят дальнейшие отношения и перспективы. Или установится плотный контакт, который позволит затеять с врагом долгую оперативную игру. Или сразу все пойдет кувырком, и останется одно — подать условный сигнал на задержание и спустить с поводка матерых волкодавов, которые трутся вокруг, присматривают за агентом и готовы скрутить хоть самого черта с рогами.

Угораздило же в свое время Протопопова стать участником тайных войн. Его отец, старорежимный профессор Московского университета, настойчиво внушал ему презрение к жандармам и их последователям, будто предчувствуя извилистую дорожку, по которой пойдет сын. А Алексей послушно хотел стать биологом — эта семейная профессия вполне соответствовала его упорству и усидчивости. Но имелась и авантюрная сторона его натуры, полковой трубой зовущая к риску и приключениям. Именно она толкнула его сначала не в ту компанию. А в итоге осенью 1929 года довела до застенков ОГПУ.

Оперативник, рассматривавший его дело, обращался с ним вежливо, даже как-то бережно. Ох, какой же это был мастер своего дела. Он так виртуозно сыграл на чувствах и порывах студента, что в ОГПУ появился идейный осведомитель, носящий оперативный псевдоним Тевтон. А вскоре, с учетом

энергии и способностей, его перевели фактически в штат контрразведки на должность секретного сотрудника.

«Сексот» — это не осведомитель, который уши развесит, карандаш заточит и строчит сообщения о том, что слышал в курилках и кабинетах. Секретный сотрудник на острие удара, лицом к лицу с коварным и опасным врагом. Он внедряется, проводит операции, вербует.

Должность младшего научного сотрудника Института микробиологии Академии наук СССР была не столько работой, сколько прикрытием для агента-маршрутника. И он не столько корпел над микроскопом, сколько мотался по всему СССР, меняя личины, паспорта, имена.

Он хорошо знал румынский язык — мать его происходила из знатного румынского рода. В связи с этим его часто использовали на Юго-Западном направлении. То он внедрялся в среду контрабандистов и фальшивомонетчиков в Одессе. То осуществлял оперативное проникновение в контрреволюционную организацию в Кировограде. Научился вживаться в легенды, как в собственную биографию, нацеплять маски, на время становившиеся его собственным лицом. Выполнять любой приказ любой ценой. И ходить по краю. Ведь враг смертельно опасен, о чем свидетельствует глубокий шрам на боку. И еще — врага порой надо уничтожать на месте, притом своими руками. Как тогда, в Киеве, где, выполняя приказ, он всадил пулю в спину важного функционера националистического подполья.

Он всем своим существом втянулся в новую жизнь. Стал азартен в охоте и был готов в лепешку

разбиться ради результата. Но постепенно накапливалась усталость. Игры становились все более опасными. Риск уже не бодрил, а ложился тяжестью на душу. И приходило четкое осознание — когда ходишь все время по лезвию ножа, рано или поздно оступишься. А цена ошибки известна — жизнь.

Это его состояние заметил даже куратор — капитан из секретно-политического отдела НКВД, заявивший:

— В отпуск тебе надо, Леша. На море... Но только после того, как дело закончим по Ленинграду. Это важное дело.

— Закончим обязательно.

— Ты главное войди в контакт с фигурантом, — напутствовал капитан. — У нас как у электриков — главное контакт, а потом уж и ток потечет, и механизм заработает.

А этого самого контакта и не состоялось.

Почему фигурант не пришел? Почувствовал, что с ним играют? Или имелись иные причины? Если он жив и эти самые причины все же иные, то игру можно продолжить. Ну а если он понял, что Протопопов — чекист, тогда горят, как свечи, несколько серьезных комбинаций. И нужно выстраивать игру совершенно иным образом — то есть арестовывать всех, до кого дотянешься, и выводить из-под удара своих людей.

Ладно, нечего падать духом и ныть. Надо делать работу. А для начала встретиться с Ростиславом — известным ленинградским художником, а заодно посредником во встрече. Сейчас он должен ответить на несколько принципиальных вопросов.

Понятное дело, использовали художника втемную. Тот искренне считал себя идейным борцом с «большевистской заразой». К нему Протопопов сейчас и направляется, утопая ногами в снежном, перемешанном с водой, месиве. Мимо роскошных домов с гранитными атлантами. Мимо ленинградцев, уныло бредущих в свете просыпающихся ночных фонарей.

Ростислав, как истинный художник, по доброй французской богемной традиции, занимал под мастерскую мансарду под крышей типичного ленинградского доходного дома. С нее открывался великолепный вид на Неву и увенчанный острым шпилем силуэт Петропавловской крепости.

Пустой неуютный двор-колодец, почерневшие от времени, давно не крашенные массивные двери подъездов. Около одной из них Протопопов остановился, будто наткнувшись на невидимую преграду. Повел плечами, сбрасывая груз неуверенности, дурных предчувствий и усталости. Погоревали — и хватит. Пора исправлять ситуацию.

На шестой этаж он взбежал уже вполне бодрый. Готовый к суровому разговору. Преисполненный желания растереть Ростислава в порошок.

Остановившись перед входной дверью, он подергал шнурок звонка. Донесся тонкий переливистый звон. И ни ответа ни привета.

Потом ударил ладонью по двери. И та неожиданно поддалась.

«Ладно, зайдем без приглашения».

Сердце тревожно екнуло, захотелось повернуться и уйти. Но он ступил вперед.

В мансарде царила полутьма. На столе неверным светом мерцала свечка, выдергивая из мрака мольберты, холсты, статуэтки — тот фирменный творческий беспорядок, который положен всякому приличному художнику. А Ростислав был хорошим художником... Именно был. Теперь его скрючившееся тело бездвижно лежало на полу. Протопопов с ужасом понял, что хозяин мастерской мертв.

А потом кольнуло ощущение близкой опасности и осознание, что он, легкомысленный дурак, только что вляпался по-крупному.

Протопопов отскочил в сторону и резко обернулся, готовый действовать.

Но не успел.

Мощный удар в живот сбил ему дыхание и опрокинул на пол. Тот, кто бил, обладал чудовищной силой.

Когда в глазах просветлело, Протопопов увидел нависшего над ним человека. И прошептал через силу:

— Ре-ви-зор!

— Ревизор? — усмехнулся тот. — Тогда ты — недостача!

И европейский эмиссар ловким движением свернул секретному сотруднику 2-го отделения СПО НКВД СССР шею...

Глава 2

Я ждал смерти. Давно уже это ожидание для меня не ново.

Обычно процесс надолго не затягивался. Несколько дней в камере, пара допросов, короткий

вердикт Тройки. И итог — выстрел из револьвера в затылок на Бутовском стрелковом полигоне НКВД.

Причину моего ареста никто внятно объяснить не мог. Я был уверен, что мне вменяют убийство моего руководителя — начальника управления НКВД одной из областей Центральной России Гаевского и его цепного пса Граца. Но об их гибели вообще не спрашивали.

Внутренняя тюрьма в доме номер 2 на площади Дзержинского являлась каменным мешком, куда меня спрятали перед тем, как решить — убивать или не стоит. Хорошего там, конечно, было мало. Но имелись и некоторые плюсы. Например, возможность ощутить на своей шкуре нюансы чекистской работы с противоположной стороны — с той, где находятся враги народа и просто люди, подвернувшиеся под горячую руку НКВД. А этот опыт дорогого стоил.

Большинство камер внутренней тюрьмы — одиночные. Но меня, к счастью, определили в просторное узилище, где ждали своей участи еще пять постояльцев. В большинстве своем это были жестоко выбитые из комфортной колеи, раздавленные люди, еще недавно занимавшие крепкие, а порой даже высокие позиции в иерархии нашего общества.

Вон съезжился на нарах работник внешнеэкономического ведомства, жалкий, неустанно причитающий о фатальной ошибке органов в отношении него. Однажды он разоткровенничался и сообщил, что на допросах зачисляет в свою троцкистскую организацию всех знакомых и полужнакомых — ведь такое количество народу не арестуют, станет понятна аб-

сурдность обвинений, и его выпустят. Эх, наивная душа.

На соседних нарах обосновался человек иной за-
кваски — суровый генерал-летчик, уверявший, что
ничего не скажет вредителям-чекистам, а товарищ
Сталин во всем разберется. Однажды его привели с
допроса прилично избитого, с окровавленным ли-
цом. Но в его глазах по-прежнему горел упрямый
огонек. Это волевой отчаянный боец. Не знаю толь-
ко, за что его пустили под чекистский кузнечный
пресс.

Присутствовал у нас и человек культуры — заслу-
женный артист Малого театра. Его взяли за длин-
ный язык и операции с драгоценными металлами.
Он картинно заламывал руки и причитал, что с ин-
теллигенцией так нельзя обращаться, она соль на-
рода, а когда просыпают соль — это не к добру.

Дни тянулись, как резина. Камера. Прогулки в
небольшом тюремном дворе. Снова камера.

Не сказать, что условия были тяжелыми. Корми-
ли неплохо, тщательно выверяя нормы довольствия.
В Гражданскую куда хуже приходилось. Тяжелее
всего было от царящих в камере уныния и безыс-
ходности.

Так прошел месяц. Потом еще один.

Выводили на ночные допросы меня всего три
раза. Конвойный сопровождал меня по лестницам,
проем между которыми был затянут проволокой —
чтобы никто сдуру не прыгнул головой вниз. Потом
по длинным гулким коридорам наркомата с часты-
ми дверями. Здание до революции принадлежало
гостинице страхового общества «Россия», и эти

комнатенки были дешевыми номерами, где когда-то селились купчишки, балеринки истряпчие.

В итоге я оказывался в крохотном кабинете с привинченными к полу стульями. Там ждал широкоплечий, с крестьянскими широкими руками и простоватым лицом капитан из аппарата Особого уполномоченного НКВД СССР. Из большого сейфа в углу он извлекал папочку с материалами дела. И начинался разговор.

Капитан был усталый и, как мне казалось, деморализованный. Без огонька и напора, как-то отстраненно он задавал вопросы, делая упор на мое пособничество врагам советской власти. Судя по некоторым специфическим оборотам и прямым цитированиям, донос ныне покойного старшего лейтенанта Граца, бывшего руководителя особой следственной группы нашей области, все же дошел до Москвы. А еще аукнулась личная неприязнь ко мне наркома Ежова.

Ни конкретики, ни явных претензий капитан не предъявлял, зато как заведенный долдонил про чистосердечное признание, которое даст мне возможность сохранить жизнь. По-моему, он сам с трудом представлял, что от меня хочет.

Прошелся он по делу завода «Пролетарский дизель», из-за которого и началась вся эта история. Лениво интересовался, сколько денег я получил от западных разведок, чтобы ограждать от правосудия врагов народа. В этих самых врагах числились директор «Пролетарского дизеля», а также руководитель аэроклуба, которых я в свое время сумел защитить от клеветнических обвинений. К удивлению и радости, через некоторое время я узнал, что все

эти люди на свободе и трудятся на своих местах. То есть по логике получается, что никаких врагов я не освобождал. Но следствие это мало интересовало.

Иногда мне казалось, что у капитана одна задача — затянуть процесс как можно на более длительное время.

Однажды, ответив на все вопросы в стиле «не знаю, не виноват», я рассказал о внешторговце, припоминающем всех знакомых, чтобы оговорить их в плане участия в контрреволюционной организации. Капитан устало усмехнулся:

— Вы думаете, он один такой? Вон, знаменитый театральный режиссер умудрился оговорить аж сто человек.

— Стахановец. И что? Их всех арестовали?

— Да не смешите. Мы же с понятием.

— Тогда должны понять и то, что я здесь тоже зря. И выгода от моего здесь сидения только контрреволюционерам, которых я не добил.

— А вот тут мое понимание заканчивается, гражданин Ремизов. Поэтому вернемся к нашим баранам. Почему вы, будучи начальником областного Управления государственной безопасности, не приняли мер к...

И шло все по наезженному кругу.

Однажды допрос посетил сам Ежов. Кажется, он был пьян или под воздействием опия. В его взоре я не видел ничего человеческого — только муть и перевозданная ярость.

Маленький, подвижный, он вперился в меня выпученными глазами и хрипло прокаркал:

— Кто таков? А, Ремизов! Двuruшник! Говори, кто входил в твою антисоветскую группу!

Если бы я и хотел ему чего сказать, он все равно не предоставил мне такой возможности. Тут же бросился на меня, ударил кулаком под дых, по шее, по лицу. Отдышался, взгляд его прояснился, какая-то радость просияла на его лице от того, что безнаказанно лупит человека, способного его соплей перешибить. Есть такая проклятая одержимость безграничной властью, делающая из людей бешеных зверей.

— Контра! — прохрипел Ежов и, махнув рукой, бросился дальше.

Звуки ударов теперь слышались из соседнего кабинета.

Капитан просто окаменел. Посидели мы с ним минут пять в безмолвии. А потом он вызвал конвоира. Ему было стыдно. Непрофессиональное чувство в этих стенах...

Глава 3

В углу, глядя в одну точку, раскачивался на нарах и что-то пел на своем языке узбек. Этот старый заслуженный большевик служил послом на Ближнем Востоке, прославился там загулами на казенные деньги и непротокольными заигрываниями с местными властям. Кроме того, он вел какую-то свою игру, отличную от линии партии. Похоже, его грехи, в отличие от многих тут сидевших, были вполне реальными. Он почти ничего не говорил. Только время от времени, глядя в одну точку, заводил заунывные восточные песни. А иногда грустно проносил:

— Хочу одно — еще разок увидеть мою степь. Ощутить ее запах.